

«ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ»

(Новая книга Василия Белова)

Скорбно такое название. И тревожно её тёмное оформление. А сами рассказы и свежая повесть не столько дивят нас житейскими историями – они горемычны, да в нашем горе привычны, – сколько вздымают нас писательской страстью и заступничеством за Россию.

Прочитал я первый рассказ – «Одна из тысячи» – и остановился на минуту: так много в нём досады и горечи от замкнутой в саму себя столичной бюрократии! И тут припомнились мне суждения Фёдора Ивановича Тютчева, великого поэта и дипломата. Он свидетельствовал, что его ничто так не раздражало в высших государственных сферах, как скудость понимания национальных задач и надменное пренебрежение властей к коренным интересам Российского государства. Вот отчего и копится всегда народный гнев! А пынешние наши властные господа – это же видят люди! – пожалуй, ещё равнодушнее прежних столоначальников к народным страданиям и бедам...

Значителен мировоззренческими размышлениями и следующий рассказ – «Душа бессмертна». Вот Василий Белов в родной Тимонихе, в тихом одиночестве. А оно не что иное, как строгое осмысление своей жизни, своей работы, своих заблуждений. Такие домашние раздумья всегда тревожат вспыхнувшей в нас памятью. И Белов беспощаден к себе – не уклоняется от укоризны совести. И чутко воспринимает, как тихую музыку, эхо своей жизни. И видит живые лица из давнего и родного. И слышит их голоса. И уясняет, что душа человеческая, однажды явившись в мир, навек остаётся в родных местах. И пока живы мы, она расширяется в нас всё далее и глубже, как собственная великая Вселенная. Да, родительский дом – это сокровенная обитель нашей души и памяти. Вот чем светоносен беловский рассказ «Душа бессмертна».

Затем писательский взор от родной Тимонихи переносится далеко-далеко – в Нью-Йорк, к редактору журнала «Русское возрождение» М.А. Холодной. С ней в 1992 году В.И. Белов беседовал, когда знакомился с Америкой. Он пообещал тогда Милице Александровне послать для её журнала новый рассказ. Но подзадержался, да и рассказ получился строго документальным. И Василий Иванович, посылая его в Соединенные Штаты, будто бы оправдывается перед хозяйкой нью-йоркского журнала за летописность своего рассказа «Пропавшие без вести».

А ведь это хорошо, что рассказ о своей изначальной родине получился сугубо документальным. Пусть и американские читатели оценят беспощадную писательскую правду о трагических судьбах российских деревень. В ней – летописные воспоминания о родной Сохотской волости Харовского района. О деревнях Вахрунихе, Лобанихе, Пичихе, Помазихе, Чигирихе и, конечно, о

своей милой Тимонихе... Белов добирается в своих архивных разысканиях до XVII века, когда в Смутное время польский пан Песочский со своим разбойным отрядом зорил и сжигал здешние деревни...

Ничто не забыто Василием Беловым! Ни давние вражеские нашествия, ни колхозные передряги, ни новые грабительские перестройки, ни поездки по разным странам, ни дружеские узы с писателями, учёными, художниками... Многие из них гостили в его Тимонихе и жарко парились в его бане, протопленной «по-чёрному». Сживали за его раздумчивым самоваром Александр Яшин и Фёдор Абрамов, Василий Шукшин и Валентин Распутин, Вадим Кожин и Петр Палиевский, Евгений Носов и Анатолий Заболоцкий... Да и мы с Асей радовались в Тимонихе приветливой встрече. Всё помнится, как Васина мама Анфиса Ивановна и жена его Оля угощали нас сдобными пирогами. И в том застолье было всем хорошо...

О, сколько переговорено и перегорёвано за годы нашей дружбы! И стало окончательно ясно, что писательский взгляд на жизнь народную всегда правдивее и глубже взгляда властного, политического, а зачастую, как ныне, и совершенно чужестранного. Хотя и декларируются по сию пору правительственные интересы как народные, а на деле являются интересами алчными и скрыто групповыми. Писательский же взгляд на народную жизнь единственно правдив, ибо он сострадательен, а потому и зорок.

Вот ещё один документальный рассказ – «Московские гости». В нём, помимо многих горьких фактов, Белов упоминает, как в голодном 1946 году он, четырнадцатилетний, читал книги Аркадия Гайдара «РВС», «Четвёртый блиндаж», «Дальние страны»... Других-то книг в школе в ту пору и не было.

И вот, спустя годы, повзрослев и будучи в Архангельске, Василий Иванович с горькой самоиронией вспоминает, как он «с почтением проходил мимо деревянного дома, в котором жил когда-то автор «Голубой чашки»... Однако почтение это как ветром сдуло, когда он однажды, листая архивную подшивку архангельской «Правды Севера», в №169 за 1929 год прочитал стихи Аркадия Гайдара о коровах, которых крестьяне-хозяева не отдают в колхозы.

*...Взрвите же вы, разъярившись лотей,
Вопите, стада холмогорок,
Что мало для вас благородных идей,
И хватит пустых отговорок.
Довольно нам мытарств в плену кулака,
Горьки нам коровьи слезы.
Плоха нам неволя.
Плоха и тяжёсла!
Довольно, о други, валять дурака!
Давайте скорей нам колхозы!..*

«Внук писателя, – продолжает Белов, – волей судьбы угодивший в российские премьеры, тоже широк, хотя стихов и рассказов вроде бы и не пишет. В затылок не стреляет. Хакасов не заталкивает в ледяные проруби (как это делал его дед). Зато пустил по миру целую Русь православную. А чего мелочиться? И колхозы решил заодно разогнать. Вся Москва до сих пор глядит ему прямо в рот. Слушают, что изречёт»...

Вот ведь какая «противоположность» у них, Гайдаров, получается. Дед-коммунист с наганом в руках загонял крестьян в колхозы, а внук-демократ эти колхозы разогнал. Да ещё вдобавок и все скромные сбережения «на чёрный день» у народа отнял. Ничего себе родственная преемственность!.. Ведь и слепой учует, что живём-то мы в блокаде наглого вранья и бесстыдства. Да, Россия разделена на алчущих и плачущих, на жирующих и горюющих, на вопящих и молчащих. У одних власть и золото, у других – горе слезами полито...

О таких трагических разломах нынешней жизни написана Василием Беловым и новая повесть об одной деревне. Она состоит из девяти глав-рассказов. От такого названия её – «Медовый месяц» – веет то ли диким клевером, источающим медвяный дух, то ли запоздалой сладостью вдовьей любви, то ли последним – в горючих слезах – прощанием с погибающей деревенской родиной.

С самой первой главы мудрый и работающий старик Александр Николаевич, со своим непонятным прозвищем «Коч», бредёт по всей этой новой беловской повести. Вдовец Коч в первых главах завидует Мише Шадруну из Залесья. Тот старше Коча на два года, уже восемьдесят ему, «а ядреный и женился в прошлом году третий раз! Даром, что корявый на рожу, а уже двух баб издержал, хоть бы ему что. И сейчас вон в магазин ходит без батога».

Поначалу Коч ринулся было к дочери в Ленинград, да городская суматоха оказалась ему не по нраву. Вот и вернулся домой. В деревне Валька-тракторист прозвал его «дезертиром Ленинграда». А главная причина отъезда была та, когда он узнал, что в Ленинграде людей не хоронят в земле, а сжигают в печах. «Быть сожжённым он не хотел, такая перспектива приводила его в ужас. И Коч удрал обратно в деревню, благо причина для этого была веская: они и впрямь разругались с дочерью».

И вот Коч снова в своей деревне. И тут подвалило ему счастье испытать медовую сладость поздней любви. Он привёз из соседнего сельсовета в жены пожилую бабу по имени Киюша. «Да ведь и не старуха она, – изумился про себя Коч поутру, – а нормальная баба. А ежели всурьёз, дак и не баба, а дев...» На этом слове Коч аж изумленно запнулся. Диво дивное! Не верил старик в чудеса, никогда не верил, а тут... И не можешь, да поверишь!

Вспомнился и сосед Валька-тракторист, ведь это он свёл его с такой славной и дородной бабой. И, конечно, поутру тот уже летит к счастливому

Кочу: «Ставь бутылку! Я тебя женил? Женил! У тебя нончс Киюшкой медовый месяц!» Да и в самом деле – с этого дня жизнь Коча осветилась заботливой женой Киюшей. Будто и впрямь незакатное солнышко засияло в их избе.

О Вальке-трактористе, прозванном «Паном Зюзей», отце большого семейства, добром по душевной сущности, но гибнущем от пьянства, с болью повествуется в нескольких главах. «Он дымил, как головня, по неделе и больше. Изжога и боли в груди, ругань жены, жалость в глазах младших деток, а в глазах старших уже что-то вроде презрения – ничто его не остановило! Конторские снова оштрафовали за сломанный трактор, милиция отняла права. Совесть, деньги, какие были, – всё было пропито»...

Кинулся в город лечиться, да не выдержал, сбежал из больницы. И мучаясь в поисках водки, заскочил в какой-то шалман, а там стояли медные подсвечники, иконы, лежали старые книги. «Его бросило в пот: на полочке стояла знакомая икона с Николой-Угодником. Та самая, которая висела когда-то в углу у Марьи (его деревенской соседки). Валентин хорошо помнил тот день. Трезвый тогда был, когда рыли могилу старухе. Сам схоронил её... Он ясно помнил, как заколачивал гроб гвоздями и как икону пришлось положить не в изголовье, а сбоку... И Валентин вспомнил, как один ханыга из райцентра приезжал в деревню на мотоцикле. Всё спрашивал про иконы. Вспомнились и разговоры старух о чьих-то набегах на пустые дома. Неужели ханыги уже и до могил добрались? Тогда взаправду скоро конец света.

Валентин попросил у торговца посмотреть эту икону. Она была та самая! Вон на обратной стороне и гвоздик с веревочкой, и защербинка на углу. Но ведь он ясно помнил, как хоронили старуху! Как он сам сунул эту икону сбоку и как закрывал крышку гроба»...

Страшно оборвался этот рассказ. В поисках похитителя иконы Николы милостивого Валентин, как оказалось, разворошил гнездо скупщиков и торговцев ворованными иконами, и те не простили ему такого любопытства. «Его нашли путевые рабочие примерно в километре от районного центра. Повидимому, бедняга, уже, будучи мёртвым, был сброшен с воркутинского поезда»...

Эта новая повесть называется «Медовый месяц». А в ней – боль, боль, боль... Да, она отзыв – на правду жизни. Да, боль и есть сама правда жизни. Пьянь, пьянь, пьянь – это же безысходность самой жизни. Отвращённость от спасительного труда. Это и есть наша медленная погибель. Так что же таится в названии повести «Медовый месяц» – горькая ли ирония обманутых людей или всё-таки поиск спасительных просветов? Я думаю, надо возвращаться нам к собственному устройению российской жизни, отмахиваясь от телевизионной и иной пропагандистской «колотиловки». «Колотиловка», – какое точное слово вырвалось из народа!

В новой книге Василия Белова лишь старые люди держатся трезво в деревенском миру и основательно на своей огородной земле. Сказывается в них истинно крестьянская побыть. А молодая колхозная да совхозная разбродица – иначе и не назвать оставшихся в своих деревнях одиноких парней – оборотилась теперь в пьяную безработицу. Они вроде бы и живут, а на деле являются «пропащими без вести». Пропащими без семейной жизни, без надёжного трудоустройства. Вот она, тяжкая беда России...

В предпоследней главе этой повести доярка Марья спрашивает ветеринара Тулякова, заглянувшего к ней после обычного загула («на стопочку»): «А пошто, Александр Николаевич, нонечи коровы-то стали заразными?» «Сложный, Марья, вопрос», – нахмурившись, уклончиво отвечает Туляков. «Да ты, батюшко, расскажи, ведь ты учёный, всё знаешь!» Польщённый ветеринар поставил стопку. «Значит, так. У овец бруцеллёз, у кур сальмонеллёз, у коров – лейкоз, а у людей – СПИД». Он загибал пальцы. «Ясно? В цивилизованном обществе всё должно быть заразным. Однозначно! Я так вам доложу: либо СПИД, либо СТЫД. Одно чево-нибудь». Марья энергично возразила: «Нет, Александр Николаевич, вся беда от вина. Ты погляди-ко, ведь все спились. Жорут и жорут! Нонче пьют не одни мужики, а зырят и бабы. Да чево говорить – быки и те лейкоголики!» Туляков расхохотался и закурил. «Люди-то нонче хуже скотины. Вот бык стесняется при людях вскакивать на корову, а люди? В телевизоре голые...»

Да, в книге Василия Белова «Пропавшие без вести» слышен многовековой гул и звон народной речи. Такая языковая чуткость дивит нас ещё и потому, что мы, ныне живущие, уже не владем истинным, самым ёмким, самым выразительным, самым красивым родным словом. Мы, нынешние, изъясняемся убогими, пошлыми, исковерканными чужими заимствованиями. Трудно такой наш повседневный говор назвать русской речью. Ненациональная политика в России губит не только экономически нашу Родину, но и весь давний народный миропорядок. Заодно губит и сверкавший издавна, звеневший и распевный родной язык.

В молодых рассказах, повестях и романах Василия Белова сияет счастливое упоение Словом и поразительная Правда народной жизни, сразу же одобрительно отмеченные Шолоховым и Яшиным. В теперешней его прозе – сжатая горечь раздумий, даже нервная сбивчивость от нахлынувших бед и переживаний. Да, проза его – ранняя и теперешняя – никогда не устареет в русской литературе, ибо в ней выражена великая правда о народной жизни. И вот закрываю я только что прочитанную книгу и смотрю, как сквозь непроглядную темень обложки проступает-таки отсвет церковных развалин и взыскующий лик Иисуса Христа.